

Марина Монгуш

Иностранцы в Дхарамсале

Дхарамсала – небольшой город на Севере Индии (штат Химачал-Прадеш), ставший широко известным благодаря Далай-ламе XIV, который здесь живёт с 1959 года. Город, расположенный в живописной горной местности, делится на две части, имеющие ярко выраженную этническую окраску: в одной обитает тибетская диаспора, в другой – коренное население, индийцы.

Когда я впервые приехала в Дхарамсалу в 1999 году, россиян здесь были считанные единицы. Зато европейцы и американцы жили целыми колониями. Город также был облюбован израильтянами, для которых в каждом ресторане предлагалось национальное меню.

Помню, я нашла город уютным и совершенно безопасным. Цены на жильё, продукты питания, одежду были вполне приемлемыми, хотя по сравнению с другими индийскими городами Дхарамсала и считалась дорогим местом. Буддийские храмы и всевозможные центры, где любой желающий мог приобщиться к духовным знаниям и практикам, наполняли город особой энергией, придавали ему неповторимый колорит и невероятную притягательность: сюда хотелось приезжать снова. Уже тогда я знала совершенно определённо, что так и будет.

И вот я в Дхарамсале. К 2005 году в городе произошли большие изменения, касающиеся не столько его внешнего облика, сколько образа жизни. В первую очередь бросилось в глаза, что стоимость жизни возросла в два-три раза, хотя доходы людей остались практически на прежнем уровне. По-прежнему было полно иностранцев. Вперемешку с английской речью теперь часто слышалась русская.

На сей раз в «Малом Тибете», как ещё называют Дхарамсалу, я много наблюдала за жизнью иностранцев, больше всего тибетцев и россиян. И поняла, что тех и других, оказавшихся в этом городе в разное время и по разным причинам, многое объединяет. Каждый надеется с помощью Дхарамсалы обрести место под солнцем, и каждый делает это по-своему.

Марина Васильевна Монгуш –
доктор исторических наук.

Не секрет, что многие тибетцы в поисках лучшей доли осваивают другие страны и континенты. В пригороде Дхарамсалы есть так называемая транзитная школа для беженцев, само название которой уже о многом говорит. Сюда поступают те, кто пешком пересёк индийско-китайскую границу в надежде обрести здесь новую жизнь. Первое слово, которое они произносят, оказавшись на индийской земле: «Ари» – Америка.

Каждый тибетец желает всеми правдами и неправдами попасть в эту райскую, как ему кажется, обитель. Для многих трамплином в вождленную Америку становится именно эта транзитная школа, где вчерашних скотоводов «переплавляют» в нечто более приемлемое для западного образа жизни.

Тибетцев из Тибета учат всему: как держать ложку и вилку, как правильно пользоваться предметами личной гигиены, как обращаться со средствами контрацепции, как разговаривать с незнакомыми людьми, как правильно носить одежду. Основное время посвящается английскому языку, здесь его изучают в интенсивном режиме.

Тибетцы, родившиеся и выросшие в Индии, отличаются от тибетцев из Тибета, даже внешне. Первые – ухоженные, они соблюдают элементарные приличия. Вторые – истинные дети природы. Между тибетцами Индии и тибетцами Тибета нет особой приязни. Первые сторонятся последних, а последние изо всех сил пытаются интегрироваться в современное общество, что нелегко вчерашнему скотоводу, жившему среди яков и овец. Россияне, живущие

в Дхарамсале давно, рассказывали мне, что индийские тибетцы пугают провинившуюся дочку следующим образом: «Вот выйдешь замуж за тибетца из Тибета, и никакой жизни тебе не будет!».

Однако те и другие тибетцы едины в одном стремлении – любой ценой выехать в Америку. Те и другие идут к заветной цели неотступно.

Правительство Америки ежегодно принимает несколько сот тибетцев на льготных условиях. Некоторые страны Европы также предоставляют им квоты для въезда в страну. Тибетцы годами стоят в очередях. Одна молодая тибетянка, чтобы ускорить отъезд, подделала документы и сдала их на рассмотрение миграционной комиссии. Там её вопрос решили положительно и выдали французскую визу. Девушка от счастья была на седьмом небе. Однако в парижском аэропорту обнаружили, что документы у неё фальшивые, и тут же вернули обратно. По этой причине у девушки случился нервный срыв.

Многие молодые тибетцы, зная, что буддийским монахам намного легче получить визу, наголо стригутся, облачаются в монашеское одеяние и с невинным видом предстают перед членами миграционной комиссии. А те, не будучи простофилями, просят их снять с себя одежду и одеться снова. Не имея сноровки, сделать это практически невозможно. Так несостоявшиеся распространители Дхармы сами себе выносят приговор.

Есть более надёжный способ выехать в другую страну: брак с иностранцем или

Священные камни рядом с резиденцией Далай-ламы.

Приготовление мандалы в храме Далай-ламы.

иностранкой. В этом случае процедура оформления документов значительно облегчается.

Помню, в 1999 году моя соседка Бригита Нельсен из Германии, к тому времени прожившая в стране три года, недоумевала, почему многие иностранки, приезжающие в Джхарамсалу, пускаются во все тяжкие с местными мачо, большинство которых обычно тибетцы. «Что в этом особенного?», – удивлялась я. «А то, что тибетцы всеми правдами и неправдами хотят использовать этих женщин, чтобы выехать на Запад», – объяснила мне Бригита.

Однако в этой теме я разбиралась тогда плохо, да и не особенно хотела вникать в неё. Мне казалось, что есть вещи, более достойные внимания. Между тем мне рассказывали о жутких страстях, бушевавших между представителями разных культур. Самым распространённым сюжетом был обычно роман, возникший между европейской барышней и местным буддийским монахом, обременённым, как правило, обетом безбрачия. В таких случаях считается, что грехопадение совершили обе стороны: барышня, соблазвившая монаха, и монах, нарушивший обет. Буддисты классифицируют это как накопление отрицательной кармы.

Подобные истории, как правило, начинаются вполне невинно: иностранка, обуреваемая интересом к буддизму и приехавшая в Индию, как ей кажется, в поисках духовного наставника, находит такового в лице самого обычного монаха. Монах, искренне движимый желанием дать Учение заморской гостье, в процессе общения незаметно скатывается к банальной сексуальной связи. И вот они уже не Учитель и ученик, а обычные мужчина и женщина, которым ничто человеческое не чуждо.

Выруливают из такой ситуации по-разному. Монах искренне раскаивается в со-

деянном и добровольно слагает с себя обеты, что вполне допустимо в буддизме. Барышня собирает свои пожитки и возвращается в родные края. Но случаются и браки. В таких случаях падший монах облачается в европейское одеяние и уезжает со своей избранницей на её историческую родину.

Другое дело, когда тибетский юноша целенаправленно охотится за невестой-иностранкой. При этом никаких завышенных требований ни к себе, ни к своей избраннице он не предъявляет.

Новоиспечённый мачо может быть необразованным и неотёсанным. Но у него есть несомненные преимущества: длинные роскошные волосы, мускулистое смуглое тело, невероятная выносливость, прямой открытый взгляд. От такого закружится голова у самой изысканной европейской женщины, которой порядком надоели рафинированные мужчины из её этнической среды.

На удочку тибетских мачо попадают и наши соотечественницы. В 1999 году моя приятельница Лариса К. познакомилась в Джхарамсале с парнем по имени Тукче. Он был на десять лет моложе её, однако ни того, ни другого это не смущало. Лариса упоённо рассказывала о новоиспечённом друге.

И вот я вновь встретилась с Ларисой. Тукче рядом с ней уже не было. Молодой тибетец очень надеялся выехать вместе с Ларисой в Россию, но она не собиралась возвращаться на родину, предпочитая жить в Индии. Когда Тукче стало об этом известно, он не стал терять время и быстро ретировался. Лариса так и говорит: «Я не оправдала его ожиданий».

Другая история произошла с Людмилой Ф. из Москвы. Она жила в доме Богдогэгэна IX,

Костя Солдаткин и мачо.

Иркутянка Татьяна Муравьева со своим учителем.

когда у неё случился роман с местным тибетцем. Говорят, Учитель деликатно советовал ей не связываться с этим человеком. Но разве способна воспринимать разумные советы женщина, ослеплённая сансарическими страстями! Переживая их в своей славянской душе, Людмила просрочила индийскую визу. Однажды её кавалер на почве ревности устроил драку, и полиция арестовала не только дебошира, но и Людмилу за нарушение визового режима. Её поместили в индийскую тюрьму, где она провела несколько месяцев. Люди, знавшие несостоявшегося жениха, уверяли, что Люда у него была не первая иностранка, за которыми он охотился, чтобы выехать из страны. Видимо, буйный нрав мешал ему доводить задуманное до логического завершения. Впоследствии Людмилу депортировали из страны без права повторного въезда.

Я знала трёх тибетцев, женившихся на иностранках: один – на новозеландке, второй – на израильтянке, третий – на финке. Каждая родила своему тибетскому мужу по ребёнку.

Однажды, ожидая автобус из Дхарамсалы в Дели, я оказалась свидетельницей проводов подобной интернациональной пары: европейской девушки и тибетца, вытянувшего счастливый билет. Он сиял от счастья, держался самонадеянно. Перед отправлением автобуса друзья подарили молодожёнам белые шелковые шарфы – хадаки, как того требует тибетский обычай. Со стороны всё выглядело мило и трогательно. Но кто знает, что ждёт эту пару в будущем? Если верить статистике, такие браки обычно недолговеч-

ны, потому что не имеют под собой крепкого фундамента.

Тибетцев, которым удалось обосноваться в Америке или в Европе, считают высшей кастой. Им завидуют, с ними хотя бы поддерживают отношения, к ним хотя бы поехать в гости, хотя нельзя сказать, что им особенно повезло на чужбине. Тибетцы обычно работают грузчиками, разносчиками пиццы, официантами в дешёвых барах и кафе, моют посуду, чистят и убирают улицы. Даже ламы-геше, которых в традиционном тибетском обществе очень почитают и уважают, за границей становятся обычными черно-рабочими. Однако при этом ни один тибетец, осевший за рубежом, ни при каких обстоятельствах не захочет вернуться обратно.

Когда говоришь, что приехала из России, обычно слышишь в ответ: «Понятно, вы из Монголии». Это я заметила ещё в прошлый раз. Объяснять, что Россия и Монголия – не одно и то же, что это разные страны, бесполезно. Выходцев из Тувы, Калмыкии и Бурятии местные тибетцы считают монголами. Им кажется, что в России есть место под названием Монголия, где живут народы, традиционно исповедующие тибетскую форму буддизма. Россиян с европейской внешностью они называют «урус», т.е. русские, хотя они могут и не быть таковыми. Нет смысла расширять географические познания местных жителей, лучше соглашаться на тот вариант, куда тебя записали. Для тибетцев я была монголкой, для индусов – японкой.

Каждый россиянин приезжает в Дхарамсалу со своей целью. Я, например, чтобы пополнить знания, потому что буддизм является предметом моей научной работы. Я знала Славу Комаровского и Сашу Нариньяни из Москвы, которые серьёзно занимались изучением тибетского языка и буддийской философии. Они

Дхарамсалинские старушки.

Анна Журанская с мужем Тензином Нгодубом.

преуспели настолько, что первый продолжает образование в США, второй – в Институте этнологии и антропологии РАН. Знала я также бурятскую девушку Хорло Батожаргалову, которая закончила Институт тибетской медицины и теперь имеет частную практику в Сибири.

Во второй свой приезд я жила в доме рядом с детской площадкой, где постоянно резвились местные ребятишки. Одна девочка выделялась из общей массы европейской внешностью. Однако она прекрасно ладила и общалась с местной девочкой. Моя австралийская соседка Эмми сказала, что девочка из России, живёт здесь с мамой, которая замужем за тибетцем. Мне захотелось познакомиться с этой семьёй, но я не стала торопить события.

Примерно через месяц наши дороги пересеклись. Маму девятилетней Тамары звали Анна Журанская, а их тибетского мужа и папу – Тензин Нгодуб. Анна оказалась выпускницей художественно-графического отделения Московского педагогического университета имени Ленина. До приезда в Дхарамсалу жила и работала в Москве. Её супруг Тензин – художник, пишет буддийские иконы-танки.

Общаясь с этой необычной семьёй, я в который раз убедилась, что пути господни неисповедимы, Судьба может настичь человека в самом неожиданном месте. С другой стороны, на пустом месте ничего не вырастает: неожиданные перемены приходят именно к тому, кто был к ним готов.

«Всё началось с Музея Востока, – рассказывала Анна. – Однажды я увидела там танку с изображением Белой Тары. Она меня так сильно поразила, что я не раз приходила к ней, чтобы запомнить детали, а дома воспроизводила увиденное на бумаге.

В один прекрасный день в Центре ламы Цонкапы в Москве познакомилась с Сашей Кочаровым. Я знала, что он опытный художник, живёт в Индии. Он посоветовал мне поехать в эту страну, где жива традиция писания буддийских икон и есть учителя высокого уровня. Дальше всё произошло как будто само собой: дорога в Индию открылась легко, даже дочь отпустила без слёз.

В Дхарамсале я в первый же день познакомилась с Тензином. С тех пор мы не расстаёмся. Мой английский в то время был не очень хорошим, но это нисколько не мешало нам понимать друг друга. Нас объединяло нечто большее, чем язык. Тензин к тому же оказался художником с многолетним стажем. Когда поняла, что хочу жить с этим человеком, привезла из Москвы дочь. Тензин её очень хорошо принял, да и девочка быстро привыкла к нему. Сейчас они большие друзья».

Другое интересное знакомство состоялось в доме Богдо-гэгэна IX, хорошо известного в России тибетского учителя. Его личной переводчицей была Екатерина Муравёва, милостивая иркутянка, филолог по образованию. Тибетский женский костюм сидел на ней очень элегантно. Бурят, калмыков и тувинцев, бегло говорящих на тибетском, я встречала много раз, а вот чтобы русская говорила по-тибетски – такое встречается довольно редко.

Катя без особых уговоров согласилась на интервью, понимая, что мой интерес к «русскому присутствию» вовсе не праздный. Он продиктован вполне конкретными обстоятельствами: россиян в доме Богдо-гэгэна с каждым годом становится всё больше.

О себе Катя рассказала следующее: «Я впервые оказалась в Индии в 2003 г. Тогда Его Святейшество Далай-лама XIV давал посвящение в Калачакру Тантру в Бодх-Гайе, я оказалась в числе российских паломников. После посвящения поехала в Дхарамсалу. У меня было предчувствие, что в моей жизни появится что-то новое. Так и случилось. Я совершенно отчётливо поняла, что мне здесь хорошо. Я нашла себя в тибетской культуре. Но самое главное – я нахожусь рядом с Учителем, получаю от него бесценные знания. А это ни с чем сравнить нельзя».

Анна Журанская и Екатерина Муравьёва – целеустремлённые личности, они умеют не только ставить перед собой задачи, но и успешно решать их. Однако не все россияне таковы. Многие живут здесь годами, а то и десятилетиями, а спроси, что их удерживает в Дхарамсале – внятного ответа не получишь. Знаю, например, одну очень странную калмычку, осевшую в этом городе ещё в начале 1990-х годов. Она успела сменить своё имя на тибетское, выучить английский и тибетский языки, что весьма похвально. Однако живёт случайными заработками и наотрез отказывается общаться с соотечественниками. Впрочем, это не единственный случай, когда человек становится здесь неадекватным.

Другая особа по имени Лена сдаёт в аренду свою квартиру в Москве, а на вырученные деньги живёт в Дхарамсале. Время от времени завязывает бурные романы со знойными индусами, которые, как правило, ничем не заканчиваются. Ни постоянной, ни временной работой она не обременена, дни проводит в чаепитиях и болтовне с соседями и случайными знакомыми. Желания вернуться в Россию не испытывает.

Не хочет возвращаться в Россию и другая русская женщина по имени Светлана. Как только у неё истекает срок индийской визы, она за взятки продлевает её. И так до бесконечности. Воспоминания о родине у неё самые мрачные: люди там злые и жестокие, все лгут и воруют, пьют и развратничают.

Если Лена живет в Индии на доходы от квартирантов, то Света надеется на иностранцев с толстым кошельком. А они на её пути, как ни странно, не переводятся. Каж-

дый, выслушав печальную историю её жизни, которая сочиняется специально для него, считает моральным долгом отстегнуть энную сумму в твёрдой валюте. Надо признать, что наша российская черта плакаться первому встречному в жилетку в определённых ситуациях приносит весьма ощутимую пользу.

Нашли своё прибежище в Дхарамсале и молодые люди из Калмыкии, Бурятии и Тувы. Они приехали якобы на учёбу, на самом же деле просто бесцельно слоняются по стране, чему очень способствует их кочевая ментальность. Поражает их безответственное отношение к собственной жизни и к родным, с которых они исправно тянут деньги на своё существование. Возраст у этих молодых людей уже не юношеский, им около или далеко за 30, а они без образования, без стажа работы, без перспектив.

Вопрос «Что собираешься делать дальше?» ставит их в тупик. Похоже, этой проблемой они озабочены меньше всего. Однако они прекрасно знают, что именно в Индии можно так беззаботно прожигать жизнь.

Без толку слоняющихся иностранцев здесь огромное количество. Индия для них – благодатное место. Поэтому, уважаемые родители, если ваше чадо вдруг изъявит желание поехать в эту сказочную страну, чтобы получить там непонятно какое образование, не торопитесь собирать чемодан и выворачивать свой кошелек. Ведь Индия помогает не только обрести себя, она может и коварно подшутить, склонив человека к бездумному времяпрепровождению.

Фото автора.

